

Гомбожапов А. Д. Социальная организация общины кочевников Монголии в XXI веке: роль родственных связей / А. Д. Гомбожапов // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 211—223. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-211-223.

Gombozhapov, A. D. (2021). Social Organization of the Mongolian Nomad Community in XXI Century: Role of Family Ties. *Nauchnyi dialog, 1*: 211-223. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-211-223. (In Russ.).

УДК 397.4(=512.3)“2000/2020”+316.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-211-223

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩИНЫ КОЧЕВНИКОВ МОНГОЛИИ В XXI ВЕКЕ: РОЛЬ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ¹

© **Гомбожапов Александр Дмитриевич (2021)**, orcid.org/0000-0001-9793-2274, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), agombozh@imbt.ru.

Рассматриваются вопросы родства в социальной самоорганизации кочевников. Представлены результаты полевых исследований в различных районах Монголии, которые однозначно фиксируют существование неформальных семейно-родственных групп, объединяемых на основе прежде всего общих экономических и хозяйственных интересов. Автор отмечает функции кочевой общины: правоохранительную, выражаемую в коллективной защите пастбищных угодий и совместном их владении; кооперативную, предполагающую кооперацию труда, в основном носящую сезонный характер, и духовную, связанную как с проведением общих религиозных, праздничных и иных мероприятий, так и с регулированием конфликтных отношений внутри кочевой общины на основе традиционных нравственных ценностей. Показано, что противоречия в правовых вопросах пользования пастбищными землями, с одной стороны, и присущие кочевому образу жизни временность и относительность территориального поселения, с другой, способствуют устойчивому существованию кочевой общины. Сделан вывод о том, что социально-правовое регулирование в условиях отсутствия действенных публично-государственных институтов замещается традиционными представлениями о праве собственности, носители которых выступают в лице семейно-родственных групп кочевников. Подчеркивается, что роль родства как характерного социального ресурса проявляется и в миграционных процессах в монгольском обществе.

Ключевые слова: родство; кочевая община; социальная организация; семейно-родственные группы; Монголия.

1. Введение

Род и основанные на отношениях родства социальные объединения до настоящего времени имеют место в кочевом обществе Монголии.

- 1 Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

Скачковые преобразования общественно-экономических устоев послужили причиной непреодоленной многоукладности в общественной сфере Монголии [Rossabi, 2005]. Кризисы постсоциалистического периода в сельских областях довольно в острой форме поставили перед населением вопросы собственного жизнеобеспечения [Грайворонский 1997; Mongolia in Transition ..., 1996]. Снижение регулирующей роли государства как в экономике, так и в общественной жизни, его отказ от обеспечения или невыполнение большого количества обязательств по социальной защите привели к тому, что в среде кочевого населения стали возрождаться традиционные институты и механизмы взаимопомощи и поддержки [Szykiewicz, 1993]. В организационном плане на низовом социальном уровне кочевые домохозяйства (айл), не рассчитывая только на собственные силы, стали формировать устойчивые объединения, призванные защитить их экономические и хозяйственные интересы, помочь в сложных условиях кризисного периода.

2. Род в кочевом обществе

Общеизвестно, что родство в монгольском обществе играло важную интегрирующую роль, структурируя общественные отношения не только на уровне малых коллективов родственников и свойственников, но и на более высоких уровнях организации общества. На протяжении длительного времени род выступал как важный общественный институт кочевого социума монголов. Это связано с тем, что в отличие от оседлых обществ, где наблюдается последовательный однонаправленный процесс смены родовой организации на территориальную, у кочевых народов преобладание родовых отношений в общественном устройстве остается главным условием существования номадного общества [Марков, 1976; Хазанов, 1975]. В то же время применительно к кочевому обществу монголов понятие «классический род», с характерными признаками экзогамии и принципом кровного родства (генеалогический род), практически мало отражает реалии его общественной организации. И действительно, выявление четко ограниченной по обозначенным признакам рода как целостного социального и структурного элемента общественной организации у кочевников представляется весьма затруднительным. Фактические кровнородственные связи ассоциировали несколько кочевых домохозяйств (*айлов*), являясь основой низовой организации общества. Более крупные объединения уже трудно однозначно проследить по кровнородственным линиям. Они могли основываться и на псевдородственных отношениях. Именно расширительное толкование рода позволяло на основе псевдогенеалогического

родства создавать крупные племенные объединения, где кочевые группы представляли элементы генеалогически-иерархизированных систем.

Для монгольского средневекового общества исследователями были предложены различные интерпретации его социальной организации [Владимирцов, 1934; Bacon, 1958; Barfield, 1992; Khazanov, 1994; Krader, 1963]. Наиболее отчетливо иерархия форм организации общества монголов была определена в работе Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой. Его основным низовым элементом выступал *урук* — линидж патрилинейных родственников, далее *обока*, в который включались не только родственники, но и члены, вошедшие в род по браку, затем следовали общности, которые объединяли несколько обочков и идентифицировались как этнокультурные единицы — *иргэн*, *улу* [Крадин и др., 2006]. Патронимические кочевые группы были жизнеспособны и в Новое время. С революционными преобразованиями первой половины XX века общественная структура претерпела кардинальные изменения. Коллективные скотоводческие хозяйства (*нэгдэл*) стали основной формой экономической деятельности. Производственно-хозяйственной единицей коллективных и государственных животноводческих хозяйств стало кочевое домохозяйство [Жагварал, 1974].

3. Важность родства и родственных отношений в условиях трансформации общества

Вполне логично, что наиболее востребованной формой в условиях постсоциалистической трансформации монгольского общества стали объединения домохозяйств, основанных на родственных связях. Родство есть феномен, определяющий основы социальной организации традиционных обществ. В непростых условиях конца XX — начала XXI веков именно коллектив родственников становится той устойчивой социальной группой, в которой оказываемые внутри него взаимопомощь и взаимоподдержка позволяли преодолевать жизненные неурядицы и гарантировали относительную экономическую стабильность.

Конечно, в условиях постоянной мобильности при кочевом образе жизни община родственников никогда не являла собой долговременного объединения, распадаясь на более мелкие семейно-родственные группы. Но за последнее время под воздействием различных факторов степень подвижности, выражаемая в частоте, протяженности перекочевков и длительности пребывания на одном месте, у современных кочевников уменьшается. Длительное совместное проживание на одной территории способствует сплочению коллективов семейно-родственных групп на основе общности экономических, хозяйственных и духовных интересов. В этом

смысле можно говорить о реалии *кочевых общин скотоводов* наряду с другими формами социальной самоорганизации. Признание наличия данной формы самоорганизации позволяет применять при исследованиях особенностей развития кочевого общества в современной Монголии так называемый сетевой подход [Social Structures ..., 1988].

Один из ведущих ученых в области сетевого подхода к изучению социальной организации Б. Уэллман следующим образом определил роль родственных отношений в создании неформальных социальных групп: «В странах Третьего мира сети личных связей составляют важную часть взаимоотношений в области производства, так как там нет ни структур, ни капитала для поддержки экстенсивной рыночной экономики. В странах Третьего мира, где профессиональная занятость нестабильна и нет фондов поддержки неработающих, выживание каждого — насущная необходимость. Социально контролируемая надежность родственных отношений становится решающим фактором в ситуациях борьбы за скудные ресурсы выживания. Люди развивают многообразные контакты, перенося их из чисто общественных отношений на источники материальных ресурсов. Для маргинальных групп эти связи — основная стратегия выживания. Средний класс развивает неформальные сети связей и формальные взаимоотношения для поддержания вертикальной мобильности. Такие сети открывают дорогу к социальным институтам стран Третьего мира: школы, больницы и учреждения для обеспечения занятости» [Уэллман, 2000, с. 87].

Действительно, родственные связи — это, несомненно, та естественная основа, на которой по большей части строится сеть личных взаимосвязей кочевников. Опора на родственные связи была важной для кочевников на протяжении всей их истории.

Устойчивость кочевого хозяйства всегда была относительной [Крадин, 2007; Марков, 1976; Толыбеков, 1971]. И в современных условиях, когда, помимо внутренне присущих для кочевого хозяйства рисков, добавились неопределенности рыночной экономики, значение родственных отношений возросло.

4. Структура кочевой общины и ее функции

Материалы полевых исследований по районам Монголии (собраны в ходе опросов в сомонах Селенгинского, Центрального, Булганского и Баянхонгорского аймаков с 2016 по 2019 годы) в самых общих чертах показывают, что большинство кочевых общин формируются по патрилокальному принципу. Типичная монгольская семья состоит из родителей и их

детей, то есть нуклеарной семьи. Повзрослевшие дети имеют право доли из хозяйства родителей. Как правило, выделение этой доли (в виде живого скота) происходит, когда взрослый сын или дочь обзаводятся собственной семьей.

Повзрослевшим сыновьям, которые обживают на новом месте в той же местности, выделяют полагающуюся им часть из поголовья скота и иного движимого имущества. До сегодняшнего времени в сельской местности поддерживается древняя традиция наследования отцовского имущества младшим сыном. Глава нового кочевого айла становится равноправным членом кочевой общины. Примечательно, что в выделенных нами кочевых общинах среди их членов присутствуют домохозяйства сестер и дочерей, что говорит о том, что патронимия не является характерной чертой и принципиальным условием организации и функционирования кочевой общины. В хот-айлах (группа из нескольких айлов) встречается также, но гораздо реже, и уксорилокальное поселение. В таких случаях зачастую не был связан со скотоводством и после женитьбы менял свои занятия на пастбищное скотоводство, становясь новым членом кочевой общины. Четко обозначить принцип группирования по патрилинейной филиации не представляется возможным, так как в общине могут присутствовать и родственники по материнской линии. Обе родственные связи признаются социально значимыми, но здесь надо сделать оговорку, что это в большей степени касается сферы хозяйственных и земельных отношений. При религиозно-духовных отправлениях все-таки важную роль играют патрилинейные связи [ПМА 2016; ПМА 2017].

Для наглядного представления структуры кочевой общины можно привести следующую схему родственных взаимосвязей, очерченную по данным опроса глав домохозяйств местности Бийрин гол сомона Улзийт Баянхонгорского аймака. Кочевую общину образуют шесть родственных между собой айлов. Все они находятся в близкородственных связях между собой и являются детьми одних родителей. На схеме (рис. 1) представлены супружеские пары, которые и образуют шесть айлов кочевой общины. Остальные члены не входят в нее, поскольку проживают в городе или поселке (*сомон*).

Рассмотрим функции кочевой общины. Прежде всего, это правоохранительная функция, через проявление которой можно, собственно, и говорить о существовании кочевой общины в данной местности.

В условиях модели землевладения «открытого» пастбища правом пользования естественными угодьями обладают в равной мере все скотоводы. Это подтверждено Законом о земле 2002 года, где природные паст-

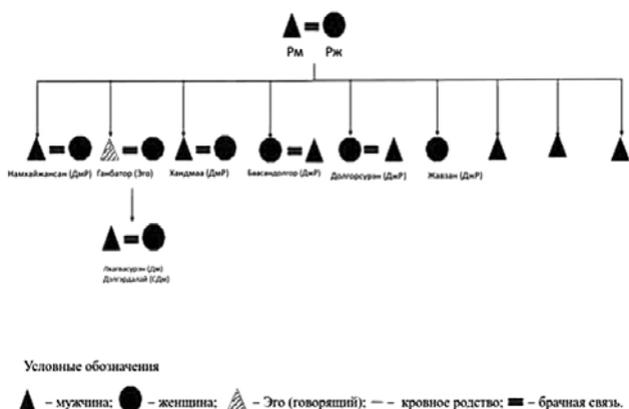

Рис. 1. Схема родственных связей кочевой общины

бища рассматриваются как общее достояние граждан Монголии [Sneath, 2003]. Такое положение вещей отражает особенности экстенсивного кочевого скотоводства. Растительность на пастбищах различается от места к месту, меняется как в короткий, так и в длительный период («от недели к неделе и от года к году»). Летом большое значение имеют источники воды для скота, кочевые хозяйства стягиваются к речным долинам и колодцам. Осенью и зимой кочуют поближе к горам и возвышенностям, чтобы можно было укрыться от холодных ветров. В неблагоприятные годы, что не редкость в условиях Монголии, интенсивность и дальность перекочевков возрастает. В этом отношении постоянная смена места есть стратегия устойчивости кочевого домохозяйства. В силу данной особенности форма частного землевладения на ограниченную площадь пастбищных угодий не имеет рационального смысла. В то же время кочевники живут и ведут свое хозяйство на определенной территории. Пастбища имеют ограниченный ресурс, и бесконтрольное пользование ими ведет к стравливанию и превышению предельной нагрузки. Для скотоводов это означает необходимость защиты своих пастбищных угодий. В то же время они не хотят терять возможность перекочевки на отдаленные территории в случае засушливого года или бескормицы в зимний период. Такая двойственность положения и составляет картину сегодняшних противоречивых взаимоотношений кочевников [Bagcus, 2018; Sneath, 2003].

Члены общины выступают как носители собственнических прав на свои пастбища по факту рождения и проживания на данной территории

(*törsön nutag*). Наличие широкой сети родственных связей позволяет кочевым общинам охватывать довольно обширную территорию, опираясь на традиционные представления о преимущественных правах пользования. Причем в случае переезда кочевого домохозяйства на другую территорию по причине бескормицы это право остается за ним, и занимать эти земли без разрешения членов кочевой общины нельзя [ПМА 2015; ПМА 2017].

Чем плотность кочевых домохозяйств выше, а это, как правило, характерно для центральных районов Монголии, тем острее проявляются данные противоречия [ПМА 2016]. И для защиты своих интересов кочевники объединяются на родственной основе в неформальные группы и выступают единым коллективом перед лицом внешних посягательств. Оговоримся, что родство не является единственно необходимым условием формирования кочевых общин. Безусловно, существуют общности кочевников, образуемые на основе территориального единства. Например, в гобийских регионах есть временные коллективы, которые группируются возле источника ключевой воды (*neg usnykhan*), не обязательно приходящиеся друг другу родственниками или находящиеся в отношениях свойства [Цэрэнханд, 2015; Bold, 1996]. Но в большинстве случаев основу общины составляют семейно-родственные коллективы.

Конечно, община не единственная форма организации кочевников. В административном отношении каждый айл входит в низовую административную единицу баг, из которых, в свою очередь, формируется сомон как следующая ступень административно-территориального управления. Регулирование поземельных отношений на местном административном уровне происходит только с общего согласия членов бага, которое принимается на собраниях. Руководитель бага (*багын дарга*) при этом руководствуется не столько нормами публичного права, сколько традиционными общественными представлениями и обычаями.

Объединенные айлы родственников не допускают вольного поселения на занятой ими территории, за исключением случаев перекочевки домохозяйств. В процессе перекочевки домохозяйства на определенном расстоянии от близлежащих айлов могут расположиться на короткий срок, в среднем от 5—6 дней. Более длительное пребывание грозит тем, что они могут быть выдворены местными скотоводами.

В этом условном совместном владении и пользовании, где за общественным статусом пастбищных угодий стоит непосредственный владелец, и проявляется одна из важнейших функций родственной кочевой общины.

Иной формой самоорганизации кочевников являются добровольные объединения. Чаще всего они носят спонтанный разовый характер и соз-

даются для решения конкретных проблем, не связанных с кочевым хозяйством. Например, кооперативы скотоводов (*khorsoo*) или общество по защите леса и охране диких животных от браконьеров.

Вторая функция — это кооперация труда в условиях его низкой механизированности. Несмотря на автономность кочевого домохозяйства как производственной ячейки, все же полностью полагаться на собственные силы оно не может. На это указывает А. М. Хазанов, говоря о том, что «осуществление полного производственного цикла (и тем более — нескольких циклов подряд) силами одного, среднего по своей зажиточности хозяйства у кочевников, как правило, невозможно, во всяком случае, крайне трудно» [Хазанов, 2002, с. 162.] Хотя А. М. Хазанов имел в виду кочевников более раннего времени, данное положение вполне справедливо и для современных кочевников Монголии. Вместе с ликвидацией коллективных хозяйств, действовавших в социалистической Монголии, пришла в упадок материально-техническая база животноводства. Производство животноводческой продукции перешло от крупного коллективного хозяйства к мелким кочевым домохозяйствам, что отбросило далеко назад от достигнутого в конце 80-х годов прошлого столетия технологического уровня механизации труда.

Как правило, в повседневной трудовой деятельности не возникает потребности в большом количестве рабочих рук. И для того, чтобы справиться с возникающими в хозяйстве вопросами, вполне достаточно помощи соседей из близлежащего айла (*saakhalt-ail*). Объединяются прежде всего для решения простых задач, в которых происходит рационализация в виде экономии трудозатрат, времени и финансов. К примеру, для транспортировки молочной и мясной продукции в близлежащие сомонные центры или отправки на крупные городские рынки (особенно в зимне-осеннее время). Зачастую это также оказание услуг по выпасу домашнего скота в период отсутствия хозяев, выехавших чаще всего в город для продажи своей продукции и закупки необходимых товаров [ПМА 2017].

Усилия большого коллектива требуются при выполнении сезонных работ. Проникновение товарно-денежных отношений в сельское хозяйство способствует все большей индивидуализации хозяйств и утрате традиционных представлений о помощи без личной материальной выгоды. В этих условиях роль родства как характерного социального ресурса проявляется весьма ярко. Именно опора на родственников, не требующих обязательного возмещения в ответ на оказанные трудовые услуги, становится фактором для межсемейной кооперации современных номадов. Хотя и здесь возникает вопрос о различии в трудозатратах между разными по количеству поголовья домохозяйствами. В хозяйстве, где скот малочислен, временные

затраты и объем работ не столь существенны, в отличие от многоскотных хозяйств. Например, в короткий период ручного вычесывания козьего пуха (если вовремя не вычесать пух, то он будет растерян), когда каждое хозяйство стремится как можно скорее управиться с работой, установленная очерёдность по хозяйствам грозит тем, что какое-либо из этих хозяйств упустит благоприятное время. Выходом из этой ситуации становится привлечении наемной рабочей силы. Также в этот период, как правило, не хватает рабочих рук вследствие того, что дети находятся на учебе — либо в школе, либо в средних или высших учебных заведениях. Обычно рабочая сила привлекается из аймачных и сомонных поселений. Хотя чёска пуха — очень трудоемкий процесс, все же оплата невысока. Расценка на труд варьируется в зависимости от района, объема работ и составляет в среднем от 500 до 1000 тугриков за одну козу [ПМА 2019]. Либо возможна натуральная оплата труда скотом в живом весе.

Можно отметить духовную и социально-регулирующую функции кочевой общины. Ее члены могут выступать как единый родственный коллектив в период проведения местных праздников, обрядов жизненного цикла и религиозных мероприятий. Старшие члены общины в случае возникновения противоречий и конфликтных моментов могут выступать в качестве арбитра. При этом их решения отнюдь не обязательны к исполнению, но позволяют средствами моральных санкций и отсылкой к традиционным обычаям регулировать личные отношения и жизнь внутри кочевой общины.

Роль родства как характерного социального ресурса проявляется и в миграционных процессах. Прежде всего, широкая сеть родственных связей увеличивает возможности перекочетов в другие сомоны и за пределы аймаков. И эта роль возрастает с вводом ограничительных мер, которые не позволяют свободное поселение и пользование пастбищными угодьями. Дело в том, что миграция в центральные районы Монголии, причиной которой является экономическая привлекательность данных территорий, создала в них относительную перенаселенность, которая не может быть преодолена при сохраняющейся экстенсивной форме хозяйственной деятельности, требующей все большего количества земельного фонда. Районные власти и администрация сомонов устанавливают определенные квоты на выделение новых мест поселений для вновь прибывающих граждан, занимающихся кочевым скотоводством. Со стороны местных жителей, организационной формой выражения интересов которых являются периодические собрания, также налагаются ограничения на поселение мигрантов. В этих условиях родство и свойство становятся значимыми факторами преодоления административных и иных запретительных мер. При переселении на новое место

родственные отношения помогают кочевникам-мигрантам легко адаптироваться и получить разрешение на поселение. Местные скотоводы помогают вновь прибывшим родственникам в получении зимних пастбищ и места для зимника, который считается официальным местом пребывания. На общем собрании скотоводов, как правило, отношения родства являются достаточным основанием для прохождения процедуры одобрения.

5. Заключение

Образовавшийся в постсоциалистический период институциональный вакуум был восполнен такой традиционной формой самоорганизации, как кочевая община, которая продолжает быть востребованной и в настоящее время. Основой формирования кочевых общин стала сеть родственных связей. Она выступает как важный социальный ресурс в стратегии выживания кочевых домохозяйств. Проводить исторические параллели с общественным устройством кочевников более раннего периода и утверждать наличие какого-либо сходства представляется неверным. Скорее, приходится говорить не о существовании родовых форм и возрождении архаичных институтов, из чего следовало бы признание наличия родовой организации в современном обществе монгольских кочевников, а о родстве как естественной форме объединения сельского населения Монголии в условиях неопределенности трансформирующегося общества. Возрождение институтов традиционного общества в виде кочевой общины стало ответом, в первую очередь, на противоречия интересов частного земельного владения и стремления сохранить возможность общественного землепользования, которая остается необходимым условием ведения экстенсивного скотоводческого хозяйства.

Кочевая община покрывает лишь часть общественных связей, которые, безусловно, не исчерпываются лишь хозяйственной деятельностью и правовой сферой. Многообразие современной жизни кочевников заставляет адаптироваться к окружающей их социальной среде, взаимодействовать с новыми институтами рыночного общества и осваивать различные социальные роли. В то же время кочевая община остается действенным и важным инструментом защиты интересов ее членов.

Источники

1. ПМА 2015 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Селенгинском аймаке Монголии, июнь-июль 2015 года.
2. ПМА 2016 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Центральном аймаке Монголии. Июль 2016 года.
3. ПМА 2017 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Булганском аймаке Монголии. Июнь 2017 года.

4. ПМА 2019 — *Полевые материалы автора. Экспедиция в Баянхонгорском аймаке Монголии. Июль-август 2019 года.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грайворонский В. В.* Современное аратство Монголии : социальные проблемы переходного периода, 1980—1995. / В. В. Грайворонский. — Москва : Восточная литература, 1997. — 184 с. — ISBN 5-02-017323-X.

2. *Жагварал Н.* Аратство и аратское хозяйство / Н. Жагварал. — Улан-Батор : Академия наук МНР, 1974. — 224 с.

3. *Крадин Н. Н.* Империя Чингисхана / Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. — Москва : Восточная литература, 2006. — 557 с. — ISBN 5-02-018521-3.

4. *Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии / Н. Н. Крадин. — Алматы : Дайк-Пресс, 2007. — 416 с. — ISBN 9965-798-46-X.

5. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии : структура хозяйства и общественной организации / Г. Е. Марков. — Москва : Издательство Московского университета, 1976. — 320 с.

6. *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века : политико-экономический анализ / С. Е. Толыбеков. — Алма-Ата : Изд-во «Наука» Казахской АССР, 1971. — 633 с.

7. *Уэллман Б.* Место родственников в системе личных связей / Б. Уэллман // Социологические исследования. — 2000. — № 6. — С. 78—87.

8. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 512 с. — ISBN 978-5-8465-0632-9.

9. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей / А. М. Хазанов. — Москва : Издательство «Наука». Главная редакция Восточной литературы, 1974. — 342 с.

10. *Цэрэнханд Г.* Монгол ахуй — угсаа, соёлын судалгаа. Бүтээлийн түүвэр / Г. Цэрэнханд. — Улаанбаатар хот : «Адмон-принт» ХХК, 2015. — 572 х. — ISBN 978-99973-0-167-3.

11. *Barcus H. R.* Contested Space, Contested Livelihoods : A Review of Mongolia Pastureland Management and Land Tenure Reform / H. R. Barcus // *Geographical Review*. — 2018. — № 1. — Pp. 138—157.

12. *Bold B.* Socioeconomic segmentation — Khot-Ail in nomadic livestock keeping of Mongolia / B. Bold // *Nomadic Peoples*. — 1996. — № 39. — Pp. 69—86.

13. *Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World / A. M. Khazanov. Translated by Julia Crookenden, 2nd ed. — Madison : University of Wisconsin Press, 1994. — 382 p.

14. *Mongolia in Transition. Old patterns, New Challenges* / ed. by Ole Bruun, Ole Odgaard. — Routledge, 1996. — 260 p. — ISBN 9780700704415.

15. *Rossabi M.* Modern Mongolia : from khans to commissars to capitalists / M. Rossabi. — University of California Press, 2005. — 418 p. — ISBN 0520244192.

16. *Sneath D.* Land use, the environment and development in post-socialist Mongolia / D. Sneath // *Oxford Development Studies*. — 2003. — № 4. — Pp. 441—459.

17. *Social Structures : a Network Approach* / ed. by B. Wellman, S. D. Berkowitz. — New York : Cambridge University Press, 1988. — 513 p.

18. *Szynkiewicz S.* Mongolia's Nomads Build a New Society Again : Social Structures and Obligations on the Eve of the Private Economy / S. Szynkiewicz // *Nomadic Peoples*. — 1993. — № 33. — Pp. 163—172.

SOCIAL ORGANIZATION OF THE MONGOLIAN NOMAD COMMUNITY IN XXI CENTURY: ROLE OF FAMILY TIES¹

© Alexander D. Gombozhapov (2021), orcid.org/0000-0001-9793-2274, PhD in History, Leading Researcher, Department of History and Culture of Central Asia, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), agombozh@imbt.ru.

The issues of kinship in the social self-organization of nomads are considered. The results of field studies in various regions of Mongolia, which unambiguously record the existence of informal family-related groups, united on the basis of, first of all, common economic and household interests are presented. The author notes the functions of the nomadic community: law enforcement, expressed in the collective protection of pasture lands and their joint ownership; cooperative, involving labor cooperation, mainly of a seasonal nature, and spiritual, associated both with the holding of common religious, festive and other events, and with the regulation of conflict relations within the nomadic community on the basis of traditional moral values. It is shown that contradictions in the legal issues of the use of pasture lands, on the one hand, and the temporality and relativity of the territorial settlement inherent in the nomadic way of life, on the other, contribute to the stable existence of the nomadic community. It is concluded that socio-legal regulation in the absence of effective public-state institutions is replaced by traditional ideas about property rights, the carriers of which are represented by family-related groups of nomads. It is emphasized that the role of kinship as a characteristic social resource is also manifested in migration processes in Mongolian society.

Key words: relationship; nomadic community; social organization; family-related groups; Mongolia.

MATERIAL RESOURCES

- PMA 2015 — *Polevyye materialy avtora. Ekspeditsiya v Selenginskom aymake Mongolii, iyul'—iyul' 2015 g.* [Field materials of the author. Expedition in the Selenga aimag of Mongolia, June—July 2015]. (In Russ.).
- PMA 2016 — *Polevyye materialy avtora. Ekspeditsiya v Tsentralnom aymake Mongolii. Iyul' 2016 g.* [Field materials of the author. Expedition in the Central Aimag of Mongolia. July 2016]. (In Russ.).
- PMA 2017 — *Polevyye materialy avtora. Ekspeditsiya v Bulganskom aymake Mongolii. Iyun' 2017 g.* [Field materials of the author. Expedition in the Bulgan aimag of Mongolia. June 2017]. (In Russ.).
- PMA 2019 — *Polevyye materialy avtora. Ekspeditsiya v Bayankhongorskom aymake Mongolii. Iyul'—avgust 2019 g.* [Field materials of the author. Expedition in the Bayankhongor aimag of Mongolia. July—August 2019]. (In Russ.).

REFERENCES

- Barcus, H. R. (2018). Contested Space, Contested Livelihoods: A Review of Mongolia Pastureland Management and Land-Tenure Reform. *Geographical Review, 1*: 138—157.
- Bold, B. (1996). Socioeconomic segmentation — Khot-Ail in nomadic livestock keeping of Mongolia. *Nomadic Peoples, 39*: 69—86.

1 The article was prepared within the framework of a state assignment (“Historical Space of the Mongolian World: Archaeology, Societies and States”).

- Grayvoronskiy, V. V. (1997). *Sovremennoyye aratstvo Mongolii: sotsialnyye problemy perekhodnogo perioda, 1980—1995 g.* [Modern Aratstvo of Mongolia: Social problems of the Transition period, 1980—1995]. Moskva: Vostochnaya literatura. 184 p. ISBN 5-02-017323-X. (In Russ.).
- Khazanov, A. M. (1974). *Sotsialnaya istoriya skifov. Osnovnyye problemy razvitiya drevnikh kochevnikov Evraziyskikh stepey* [Social history of the Scythians. Main problems of development of ancient nomads of the Eurasian steppes]. Moskva: Nauka. 342 p. (In Russ.).
- Khazanov, A. M. (1994). *Nomads and the Outside World*. Madison: University of Wisconsin Press. 382 p.
- Khazanov, A. M. (2008). *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the outside world]. Sankt-Peterburg: Filologicheskiiy fakultet SPbGU. 512 p. ISBN 978-5-8465-0632-9. (In Russ.).
- Kradin, N. N. (2007). *Kochevniki Evrazii* [Nomads of Eurasia]. Almaty: Dayk-Press. 416 p. ISBN 9965-798-46-X. (In Russ.).
- Kradin, N. N., Skrynnikova, T. D. (2006). *Imperiya Chingiskhana* [Empire of Genghis Khan]. Moskva: Vostochnaya literature. 557 p. ISBN 5-02-018521-3. (In Russ.).
- Markov, G. E. (1976). *Kochevniki Azii: struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia Nomads of Asia: structure of economy and social organization]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 320 p. (In Russ.).
- Mongolia in Transition. Old patterns, New Challenges.* (1996). Routledge. 260 p. ISBN 9780700704415.
- Rossabi, M. (2005). *Modern Mongolia: from khans to commissars to capitalists*. University of California Press. 418 p. ISBN 0520244192.
- Sneath, D. (2003). Land use, the environment and development in post-socialist Mongolia. *Oxford Development Studies*, 4: 441—459.
- Social Structures: a Network Approach.* (1988). New York: Cambridge University Press. 513 p.
- Szynkiewicz, S. (1993). Mongolias Nomads Build a New Society Again: Social Structures and Obligations on the Eve of the Private Economy. *Nomadic Peoples*, 33: 163—172.
- Tolybekov, S. E. (1971). *Kochevoye obshchestvo kazakhov v XVII — nachale XX veka: politiko-ekonomicheskiiy analiz* [Nomadic society of Kazakhs in the XVII — early XX century: political and economic analysis]. Alma-Ata: Izd-vo «Nauka» Kazakhskoy ASSR. 633 p. (In Russ.).
- Tserenkhand, G. (2015). *Mongol akhuy — ugsaa, soelyn sudalгаа. Byteeliyn tyгver* [Survey on Mongolian culture and economy. Creation sample]. Ulaanbaatar khot: «Admon-print» XXX. 572 p. ISBN 978-99973-0-167-3. (In Mong.).
- Uellman, B. (2000). Mesto rodstvennikov v sisteme lichnykh svyazey [The place of relatives in the system of personal relations]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 6: 78—87. (In Russ.).
- Zhagvaral, N. (1974). *Aratsivo i aratskoye khozyaystvo* [Bratstvo and aratskiy economy]. Ulan-Bator: Akademiya nauk MNR. 224 p. (In Russ.).